

Ягудина Оксана Валентиновна

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА СРЕДИ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА

В статье рассматривается история зарождения и распространения староверия в среде яицкого (уральского) казачества в XVII-XVIII вв. Определены причины укоренения раскола и периоды наибольшего скопления беглых раскольников на казачьей территории. Автором подчеркивается особая роль Иргизских монастырей в жизни местных старообрядцев. Основываясь на использованных источниках, автор делает вывод о том, что значительное влияние в вопросах веры на уральских казаков оказали служилые люди, бежавшие на эти земли от правительственных репрессий, а также донское казачество, среди которого большой процент составляли раскольники.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/8/62.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(82) С. 216-218. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

YOUTH ORIENTATION IN PRINTED FABRICS OF THE 1980-1990S: EXPERIENCE OF LENINGRAD SCHOOL OF DESIGNING

Shirokovskikh Margarita Sergeevna, Ph. D. in Art Criticism
Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design
ivarita@bk.ru

In the article the results of a research on printed and heald fabrics produced by Leningrad textile factories are presented. The subject of the study is ornamental motifs and ways of their arrangement in tissues for youth clothing. The objective research of this topic involves referring not only to Soviet periodicals and monographic literature, but also to the study of the tissues themselves, the majority of which have been preserved in private collections. The analysis of available sources has allowed the author to identify specificity of design of fabrics of the 1980-1990s.

Key words and phrases: textile industry; printed ornament; design; fashion; Leningrad factories; Alla Shchepakina.

УДК 94(470:56):27-9“16/17”

Исторические науки и археология

В статье рассматривается история зарождения и распространения староверия в среде яицкого (уральского) казачества в XVII-XVIII вв. Определены причины укоренения раскола и периоды наибольшего скопления беглых раскольников на казачьей территории. Автором подчеркивается особая роль Иргизских монастырей в жизни местных старообрядцев. Основываясь на использованных источниках, автор делает вывод о том, что значительное влияние в вопросах веры на уральских казаков оказали служилые люди, бежавшие на эти земли от правительственных репрессий, а также донское казачество, среди которого большой процент составляли раскольники.

Ключевые слова и фразы: казачество; Урал; Яик; староверие; старообрядчество; церковный раскол; скит; Иргиз.

Ягудина Оксана Валентиновна, к.и.н.
Оренбургский государственный университет
yagudina_ov@mail.ru

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА СРЕДИ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Церковный раскол, зародившийся в XVII в., стал событием, которое повлияло на многие стороны жизни русского народа. Раскол был не столько религиозным явлением, сколько социальным протестом, который оказывал значительное влияние на общественно-политическую жизнь. Приверженцы старым обрядам были противопоставлены не только официальной Церкви, но и всей государственной системе. Усиление противораскольнической деятельности правительства приводило к массовому бегству различных слоев населения на окраинные земли, что способствовало распространению старообрядчества.

Исследователями выделяются районы первоначального распространения раскольнической идеологии: Заонежье, Среднее Поволжье, леса Белоруссии и северная Украина, донские степи и Урал. Урал в этом списке выделялся особо: здесь раскол поселился на долгие столетия и был распространен как среди крестьянства, так и среди местного казачества.

Значительная часть историков, посвятивших свои работы изучению раскола, склоняется к тому, что именно указ 1685 г. послужил толчком к появлению первых старообрядцев на Урале. Дальнейшее распространение старой веры пришлось на правление Петра I, в особенности на землях по р. Яик. В целом, это было вызвано недовольством петровскими преобразованиями, затронувшими традиционный уклад русского человека. А. П. Щапов, защитивший диссертацию по теме «Раскол старообрядчества», отмечал, что Урал обязан появлению там старой веры стрельцам, которые были сосланы в эти земли в 1683 г. и 1702 г. [18, с. 546].

Определенно на религиозные представления яицких (уральских) казаков повлияли и раскольники, бежавшие с Дона и основавшие при устье р. Яик городок, получивший название Яицкий. Первоначально их число не превышало 40 человек, «затем эта горсть смелых людей постепенно умножалась беглыми...», среди которых большой процент составляли староверы, пытавшиеся скрыться от преследований [3, с. 220-221].

Эсхатологические представления, характерные для раннего раскола, получили особую популярность в период правления Петра I, который среди староверов считался антихристом. Для многих Урал в эти годы становится местом, куда бежали из царства антихриста, собирались в «новые вольнонародные, религиозно-гражданские общины» [17, с. 82].

Другой причиной значительного скопления беглого люда на Урале было то, что крупные уральские и оренбургские промышленники платили большое жалование рабочим из раскольнической среды, тем самым привлекая к себе приверженцев своих согласий. Это имело и положительную сторону, так как способствовало колонизации уральского региона [Там же, с. 83-84].

В историческом очерке «Столетие Военного министерства», одним из составителей которого является подполковник А. И. Никольский, также имеется утверждение, что именно служилый элемент положил начало Яицкому войску и распространению раскола. Одним из доводов, который приводят составители сборника, было то, что среди казаков, промышлявших разбоями на Волге, имелось достаточное количество служилых людей. После того как царские власти их разогнали, одна их часть ушла на службу к Строгановым, другая – поселилась на Яике. Но главную массу вольного казачества, по мнению авторов, составляли не только служилые, но и выходцы из крестьян, бежавшие от крепостного права, раскольники, не желавшие отступать от своих вероучений, преступники, избегавшие наказаний [15, с. 8]. В итоге на Урале скопилась масса людей, готовых поддержать любое антиправительственное движение. К концу XVIII в. история Яицкого войска составляет «непрерывную летопись казачьих возмущений», завершившуюся участием яицких казаков в Пугачевском бунте [Там же, с. 12].

Косвенный довод того, что староверие на Урал было занесено московским служилым людом, выражают А. В. Бакушинский и В. М. Василенко. Они определили привязанность уральских казаков-старообрядцев к иконам «московского» стиля, дониконианской традиции. В особенности «московское» письмо было востребовано среди казаков, относящих себя к австрийскому согласию [1, с. 27, 34].

В 1881 г. полковник М. П. Хорошхин составил военно-статистическое описание казачьих войск, в частности, Уральского войска. На основе переписи яицкого казачества в 1723 г. он выделил «наплывы на казачьи войска», связывая их с внутригосударственными событиями. В итоге он пришел к выводу, что если сгруппировать показания казаков, откуда пришли их предки, то можно выделить основные периоды пополнения войска беглыми. В период 1661-1666 гг. пополнение войска было связано с церковным расколом, войнами со Швецией и Польшей; 1673-1678 гг. – с бунтом С. Разина; 1679-1684 гг. – волнения стрельцов дали наибольшее количество беглецов на территорию войска; 1703-1708 гг. – Булавинский бунт, бунт в Астрахани [16, с. 11-12].

Приток разного люда на Урал во второй половине XVIII – начале XIX в. связывают с промышленным освоением региона. С открытием залежей руды на Урале были созданы горные заводы, как частные, так и государственные. Правительство разрешило селиться на них «людям всякого звания без различия вероисповеданий» [5, д. 97, л. 62], так как была необходима дешевая рабочая сила, что и дало толчок быстрому заселению и освоению данной территории. Людей привлекали сюда, с одной стороны, слухи о высоких заработках, а с другой стороны Уральский регион представлялся для старообрядцев надежным убежищем от правительственных репрессий.

Исследователи отмечали, что население Уральской области резко отличалось «от великорусского народонаселения центральных губерний Европейской России складом и направлением своей общественной и церковно-религиозной жизни» [9, с. 14-26]. Распространенное в Уральском казачьем войске «религиозное своеволие» привело к тому, что уральские раскольники были убеждены в непогрешимости своего дела и впоследствии своей автономной религиозной иерархии, а преследуемого законом раскольнического учителя считали мучеником [6, д. 8448, л. 94 об.].

При этом яицкие казаки не всегда были религиозно нетерпимыми. Находясь на службе, казаки могли посещать православные храмы, брить бороду и усы, курить и нюхать табак. Все менялось, когда они возвращались к себе домой, здесь они становились ярыми поборниками раскола. В. Н. Витевский, детально изучивший вопросы раскола среди уральского казачества, считал, что причины его живучести на этой земле кроются в самом общественном устройстве войска. «Защищая неприкосновенность старых обрядов, ратуя за двуперстный крест и бороду, казаки тем самым отстаивали и свои права располагать собой и жить по своему усмотрению. Это желание обособиться и быть у себя полновластными и независимыми хозяевами и делало старину и старую веру привлекательными в глазах уральцев» [4, с. 7].

Не имея первоначально своих скитов, уральские старообрядцы устанавливали плотный контакт с близлежащими. До появления иргизских монастырей казаки активно контактировали с Ветковскими и Волжским скитами. Но наиболее значимые для местного казачества стали монастыри, расположенные по р. Иргиз (левобережье р. Волги, Саратовская область). Иргизские монастыри снабжали уральское казачество литературой, наставниками, а в некоторых случаях предоставляли убежище от правительственных репрессий, поэтому их «слава и значение превзошли и Керженец, и Ветку, и Стародубье» [7, с. 22].

Первоначально на Иргизе поселились около 60 чел., значительную их часть составляли выходцы из Польши, но со временем Иргиз стал быстро заселяться раскольниками. Донские и уральские казаки и казачки одни из первых, кто стал селиться в скитах на Иргизе, в особенности в то время, когда правительство еще благосклонно смотрело на иргизцев. Скит часто принимал беглых попов, снабжая потом ими староверов по всей России [12, с. 36].

Упомянутые уже нами общины были одними из самых богатых среди старообрядческих обителей. Главным их доходом, помимо собственного хлебопашества и скотоводства, было подаяние «от доброхотных даятелей равной им секты, приезжающих к ним на моление». Но жертвовали не только деньгами: «Уральск снабжает их рыбою, Сибирь – железом, а Москва и Санкт-Петербург церковными утварями» [8, с. 224]. Организатор Уральского войскового музея, М. К. Курилин, считал, что иргизские староверы сыграли важную роль в распространении хлебопашества среди уральского казачества [2, с. 476]. Контакты уральских казаков-старообрядцев продолжали сохраняться с иргизскими скитами вплоть до 1837 г. [4, с. 15].

Из-за постоянной нехватки своих священнослужителей уральские староверы привозили на Иргиз для «исправления» священников официальной Церкви. Богатство и денежные посулы привлекали на сторону раскольников таких людей, которые чаще всего уже были расстрижены в официальном православии. За неимением своих уральским казакам приходилось брать к себе в попы неблагонадежных в вопросах нравственности священников. Частым явлением было и просто самозванство, когда за попов выдавали себя беглые солдаты [10, с. 34].

Собственные первые скиты на территории Уральского войска стали появляться лишь в конце XVIII в. Этому поспособствовали активные противораскольничьи мероприятия со стороны Военной коллегии в разное время. В частности, в ходе данных действий в 1741 г. была уничтожена в Яицком городке раскольничья слобода – Шацкий монастырь. В итоге уже в конце XVIII в. по нижнему течению Урала расселилось более 200 жителей скитов. К этому времени наиболее влиятельными казачьими скитами стали Гниловский, Бородинский, Бударинский, Митрясовский, Сергеевский и Садовский. Местные власти с большой осторожностью действовали в этом вопросе и очень часто шли на компромисс с казаками-старообрядцами. К примеру, в указе от 1795 г. говорится о предоставлении уральским казакам права самостоятельно избирать себе священников из местного населения, и по большей части избранные священнослужители были староверами, что только укореняло раскол в войске [11, с. 69-70]. Жесткие меры обычно связывают с именем Наказного атамана А. Д. Столыпина, который в конце 1850-х гг. – начале 1860-х гг. уничтожил практически все скиты, кроме Сергеевского и Садовского [4, с. 21].

Частыми были ситуации, когда гражданские власти открыто или тайно поддерживали раскол, способствуя тем самым его дальнейшему распространению. Уральские атаманы, полковники или станичник, если не сами придерживались старой веры, то их жены могли быть старообрядками. Тогда для сохранения дворянского сословия начальники своих сыновей крестили в официальной Церкви, а дочерей у старообрядцев перекрещивали по старым обрядам [13, с. 86].

Таким образом, говоря о территории уральского казачества, мы можем отметить, что староверие здесь появилось практически одновременно с его возникновением в центральных районах. Урал постоянно пополнялся беглым людом, который и привнес старую веру на земли казаков. Бегство на данную территорию было обусловлено социальными потрясениями и усилением правительственных мероприятий в вопросах раскола на разных исторических этапах. Уральские казаки, перенявшие раскол от московских служилых людей и донского казачества, стали его приверженцами на долгие годы. Преданность старым обрядам предопределила характерные особенности в культуре, быте, общественно-политической жизни местных казачьих общин.

Список источников

1. Бакушинский А. В., Василенко В. М. Искусство Мстеры. М. – Л., 1934. 104 с.
2. Бородин Н. А. Уральское казачье войско: стат. описание: в 2-х т.: с 10 карт. / сост. Н. Бородин. Уральск: Урал. войск. хоз. правл., 1891. Т. 1. 947 с.
3. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: в 5-ти т. Казань: Типо-лит. В. М. Ключникова, 1897. Т. 1. 299 с.
4. Витевский В. Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в XVIII и XIX в. Казань: Типография Императорского университета, 1878. 239 с.
5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 10. Оп. 8.
6. ГАОО. Ф. 173. Оп. 4.
7. Данилко Е. С. Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. Уфа: Гилем, 2002. 219 с.
8. Мордовцев Д. Л. Исторические пропилеи: в 2-х т. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1888. Т. 1. 540 с.
9. Оренбургские епархиальные ведомости. 1891. № 1.
10. Публичные лекции, читанные наставниками Казанской духовной академии в пользу Братства святителя Гурия в Казани в 1868 году [И. Бердниковым, Н. Ивановским и Е. Маловым]. М.: Унив. тип., 1868. 123 с.
11. Россия. Синод. Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. синода: в 2-х кн. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1860. Кн. 1. 843 с.
12. Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым: в 2-х т. М.: Унив. тип., 1864-1866. Т. 2. Вып. 4. 272 с.
13. Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым: в 2-х т. М.: Унив. тип., 1864-1866. Т. 2. Вып. 5. 217 с.
14. Столетие Военного министерства. 1802-1902: в 13-ти т. / гл. ред. ген. от кавалерии Д. А. Скалон. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1902. Т. 11. Ч. 1. Главное управление казачьих войск: исторический очерк. 900 с.
15. Столетие Военного министерства. 1802-1902: в 13-ти т. / гл. ред. ген. от кавалерии Д. А. Скалон. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1907. Т. 11. Ч. 3. Воинская повинность казачьих войск: исторический очерк. 683 с.
16. Хорошхин М. П. Казачьи войска: опыт военно-статистического описания / сост. Ген. штаба полк. Хорошхин. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1881. 311 с.
17. Щапов А. П. Земство и раскол. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1862. Вып. 1. 161 с.
18. Щапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII: опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань: И. Дубровин, 1859. 547 с.

ORIGIN AND SPREAD OF CHURCH SCHISM AMONG THE URAL COSSACKS

Yagudina Oksana Valentinovna, Ph. D. in History
Orenburg State University
yagudina_ov@mail.ru

The article deals with the history of the origin and spread of Old Belief in environment of the Yaik (Ural) Cossacks in the XVII-XVIII centuries. Reasons for rooting of the schism and periods of the greatest accumulation of fugitive dissenters within the Cossack territory are identified. The special role of the Irgiz monasteries in the life of local Old Believers is emphasized. On the basis of the used sources, the author concludes that service people, who escaped to these lands from governmental repression, as well as the Don Cossacks, among whom schismatics presented a large percentage, had significant influence as to the matters of faith on the Ural Cossacks.

Key words and phrases: Cossacks; Ural region; The Yaik; Old Belief; church schism; small monastery; The Irgiz.